

Пётр Семинский

МОЯ БОГОМ ДАННАЯ РОДИНА

Сон

Времена не теряю:
На телеге везу
В жизнь от края до края
В клетке птицу-слезу.
Что из звёздных владений
Слала искры огней.
Я среди сновидений
Познакомился с ней.
Не понять ей, пернатой,
Что за прутьями даль,
И взлететь трудновато:
Бьются крылья о сталь.
Воля рядышком где-то,
Душ родных мумиё...
Птица синего цвета,
Удержать бы её...
Разрывает на части
Клетку молнии взрыв!
Нет ни птицы, ни счастья...
Просыпаюсь я, взыв.

Сонет

Упорный мастер рифм сплетенья
Сложил банальности в сонет.
Его седое устремленье
Копилось в ритме долгих лет.
Его лихое настроенье
Под звон заслуженных монет,
Красивый слог, к успеху рвенья
Рождало форму, песню — нет.
Свой крест он внёс на протяженья
Дороги долгой и прямой
В массивный сборник дорогой...
Пассаж изящный и живой
Не весом славен, не ценой.
А тайны искрой золотой.

Приговор

Непризнанность — это не кара,
От света укрытая лесь.
Зачем миру много Икаров,
Один заслужил эту честь.
Непризнанность — не испытанье
И даже не зависти месть,
Она — от мечты расстоянье
До яви, которая есть.
Непризнанность — тайная лира,
Не к славе тянулись, а к ней,
Те, двое, что подпись Шекспира
Придумали вместо своей...
Украден талант пониманья,
Но где тот мистический вор?
Непризнанность — тень ожиданья,
Похожая на приговор.

Когда-то тысячи поэтов
Метафоры вносили в быт,
Кто нынче вспоминает это?
Кто их стихами говорит?
Строфа — для опыта основа,
Пускай и прожита другим...
Поэт живёт не дольше слова
На мир озвученного им.
А сколько так и не рождённых
Факиров рифм, стиха-огня,
На безызвестность обречённых
Ждут тень крылатого коня.
А он становится всё глуше
К словам, которых в чате нет.
Когда-то был в разряде лучших,
А кто теперь простой поэт?
Артист, с которого смеются?
Ретромечтатель скучных лет?
Травинки сквозь асфальт пробьются,
Но не стихи сквозь интернет.
Затянет небо серость тучи,
Коснётся звёздный взгляд планет,
Весь мир казаться будет лучшим,
Пока о нём поёт Поэт.

Поэту, чтоб слово звучало,
Не нужен симпозиум муз,
Гудок ему нужен вокзала
И темы неведомый груз.
И поезда чёткие ямбы,
Что к новым свершениям мчат...
И рушатся лениности дамбы,
И просятся образы в чат.
Поэт не напишет о страсти,
Поэт не споёт о любви,
В нём, будто в прозревшем фантасте,
О звёздах споют соловьи.
В любую минуту в дороге
Поэт, как сбежавший рысак,
Спешащий к созвездию Долга,
Забиться не может никак.
Он даже в продрогшем вагоне,
Поставив судьбу на «Зеро»,
В аду и в чернобыльской зоне
Своё тренирует перо.
Ему на исходе дороги
Нужны кульминации тем.
Он пишет, понятный немногим,
Не спрашивай только: «Зачем?»
Ведь если на эту тираду
Он точный отыщет ответ,
То слов, значит, больше не надо,
И это уже не поэт.

Слёзы Перуна

Порвать есть желание будние струны
И слышать эпохи, что так далеки,
Где тысячелетья служили Перуну
И верой, и правдой мои земляки.
А он в колеснице мчал небом под песню,
Весь мир будоражил колёс его стук,
И молнии-стрелы, как дар поднебесья,
Пускал громовой его радужный лук.
Искристых змеёнышей метеоритных
Гнал прочь от Земли, удлинняя пробег...
В угаре жестоких страстей первобытных
Стонала планета, но жил Человек.
А молнии-пчёлы за гибелью следом
Дарили надежды Перуновый мёд,
Падучими звёздами плакало небо:

— За что так разумный страдает народ?
И каждая слёзка летела в дубравы,
И пряталась роем в дуплистую борть...
По капле, как мёд, счастье Бог величавый
Учил добывать, а беду побороть.
А сам, наблюдатель, мчал небом под песню,
Смотрел на землян, будто барин на слуг...
Когда его правнук пронзил поднебесье —
Исчез или мир потерял к нему слух?
Ты где, Громовержец?
Небесные кони
Ракет не догонят,
не выйдут в эфир...
Во время грозы слёзы бьют по ладони —
Так плачет ушедший Перуновый мир.

Карусель

день
июнь от жары
душе туго
дети шары
шепчу другу
поэт стой
ввысь взмой
рифмы шквал
лихой взлёт
дал
а я у
ив и на
ели в тон
тени и лени
хронической балансирую
на карусели как проказник
из песни лирической я художник
поэтоподобный стиль мой модный
мой порыв ослепительно чист
я словесных петель модернист

Посол

А Я
СВОЙ
ШИФР
МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИЙ
НЕ ТО
НА КОД ВАШ НЕ
ТО НА АД
НЕ ТО НА УМ
УМ НЕ
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ
СМЕНИТЬ БЫ РАД
ДЛЯ МЕНЯ
ЗАКОУЛОК
НЕПРИМЕТНЫЙ КОСМИЧЕСКИЙ
МИР ЖЕСТОКИЙ ВАШ
ПРАВЕДНЫЙ
ПУСТЬ ЛИШЬ
БИОЛОГИЧЕСКИЙ
ВТОРЯ ВАШИМ МЕЧТАМ
СОЧИНЮ Я ДОКЛАД
ВСЮ СУТЬ
САМ ТАМ
ВАМ ДАМ
ВЫ НЕ
АД ВЫ
НЕ АД

Над Неманом чайки седлают буи
Чтоб видеть бег жизни с арен,
Сквозь тёмные воды и тени руин
Смотреть на мальков перемен.
Стрела поколений коснулась стремнин:
Сеть жадности тралит исток.
Следят похудевшие чайки с плотин
Как ветер прогресса жесток.

Дуб

Расцветает перуновым цветом
Непреклонный лесной старожил.

Шепчет песни он робким поэтам,
Полнит силой сплетения жил.
В нём дымами языческих капищ
Выжжен смерти терзающий бич.
Он восстал среди могил и пожарищ,
Как незыблемой памяти знич.
Укрепляют Полесье дубравы,
Как безмолвные стражи святынь.
Предки им завещали по праву
Тягу к солнцу дарить молодым.

Сосёнка у болота
Грустит совсем одна.
Сквозь утра позолоту
Печаль её видна.
Под ветром хвоя стонет
(Кто ей прикроет стан?)
Вблизи вздыхает омут,
Тянуть к себе устав.
У берега другого
Судачат тополя,
От шороха любого
Чубами шевеля.
В закатные мгновенья
Через трясины дней
Сосна стремится тенью
Коснуться тополей...
Кляня судьбы курьёзы
В такт шороху ветвей,
Янтарных капель слёзы
Сдувает суховей.

Пир

Защите фауны посвящённый
Едва закончился конгресс,
Богов пир самонаречённых
Многострадальный принял лес.
И гости все охотно ели,
Забыв про тему и прогресс,
Когда-то хрюкавшее тело,
Прошедшее сквозь будней пресс.
Янтарь слезинок безотрадных
Лесничий пролил на ветру,

Ведь хряк, зажаренный нарядно,
Последним в этом был бору.

Неман

Крон, как Бог Времени неутомимый,
Нас, своих детей, не ценит в грош,
И текут года неумолимо.
Кронон, только ты меня поймёшь.
Опекун, тебя назвали люди.
Ты — Руси незыблемый рубеж,
Страж живых эпох, страстей и судеб,
НЕобМАНных цепь дозорных веж.

Неман-правдолюб, твои извивы
Враг не мог обманом одолеть,
Край наш охраняешь ты ревниво,
Хоть и стал от старости мелеть.
Отошли века, как небылицы
Над свободной Белою землёй,
Но и в наше время на границе
Гродно — неустанный часовой.

Кронон

Город, названный звучно в честь Кроноса:
Гродно — древности нашей оплот,
Где с Богами совместно в два голоса
Песню Жизни пел дружный народ...
Ждал судьбу он на сказку похожую,
Чтоб бездонное море из слёз,
Голод, кровь, эгоизм и безбожие
Ветер будней в былое унёс.
Не лишённый в истории голоса,
Город-стражник, славянства оплот,
Где века, будто зёрнышки колоса,
Гордо влились в эпох хоровод.
Гродно — правнук оживший Сатурна,
Как звезда среди Белой Руси,
Том истории тайной и бурной,
Всё расскажет, ты лишь попроси...

Гродно

Чудо-город живого былого,
Где уже приземлялся сам Бог,
Где Калоча уводит любого
В лабиринты далёких эпох.

Исторической правды искатель,
Бриллиант разукрасивший даль,
Город-труженик, город-мечтатель,
Город-друг, где всегда фестиваль.

Голоса твоих труб летописных
Не пускают врагов на порог,
Ты – родник Белоруссии чистый,
Над бескрайней рекою эпох.

Признаёмся тебе принародно
Мы в любви безоглядной своей,
Наш прекрасный таинственный Гродно,
Город-тайна и город-музей.

Фестивальное

Загадочна всё же людская натура:
В народ превращает соседей культура,
И танцами, песнями тысячи лир
Народы вливаются в общий наш мир.
Бесценна для мира, как жизнь и природа,
Культурная тайна любого народа.
Созвучие дружбы наполнило даль:
По Гродно шагает Большой Фестиваль
Столь разных, простых человеческих натур,
Бесценных для мира народных культур.

Экспромт

Цветёт за окошком сирень и смородина
И мчится куда-то годов круговерть.
Всё это моя Богом данная Родина,
Готов за неё я сражаться на смерть!
И это не просто сыновий мой долг,
Поверьте родные, друзья и соседки.
И, враг мой возможный, возьми себе в толк:
Так жить завещали великие предки.
Так выпало мне, и в душе я горжусь
Быть сыном земли, что зовут Беларусь!

